

Искусство и ремесло

Воркутинский театр впервые гастролирует в Сыктывкаре. Нонятен интерес, с которым ищут на спектакли этого театра. Новые актеры. Афиша, в которой большинство пьес — мало известные или редко игравшиеся. Наконец, являющаяся организация рекламы, внимание к зрителю, которое проявляется даже в мелочах, хотя бы в том, как отпечатана программа гастролей: здесь есть не только списки действующих лиц и их исполнителей во всех шести спектаклях, привезенных воркутинцами, но и краткие историко-литературные справки об авторском писателе Эдуарде Вильде или о том, чем замечателен испанский драматург Анхела Гимера...

Это imponует, нравится. Значит, театр заинтересован в зрителе. И, естественно, что зрители заранее платят театру ожиданием новых волнующих впечатлений.

Афиша гастролей внушает большие надежды. В самом деле, рядом с музыкальной комедией «Морской узел» — классическое, требующее высокой культуры актерского мастерства произведение А. Н. Островского «Бешеные деньги». Вслед за остроумной, полной сюжетных хитроуслетений, сочно очерченных характеров, едкого юмора комедией Э. Вильде «Домовой» — современная пьеса А. Кузнецова «Лача Дроздовых»...

Все это театр показывает зрителю в общем небольшой труппе. Что ж, можно только порадоваться этой самостоятельности Воркутинского театра, тому, что формируя репертуар,

театр не копирует афиши других театров, смело останавливается на пьесах трудных, подчас требующих долгой и упорной работы, не боится риска, своей ответственности перед зрителем.

Но насколько полноценно, насколько творчески реализуются те возможности, которые обещаны афишей? Есть ли у театра свои пристрастия, своя генеральная творческая линия, свое лицо?

Вряд ли будет ошибкой сделать заключение, что Воркутинский театр явно тяготеет к комедии. Помимо таких спектаклей, как «Морской узел» или «Марица» (их достоинства и недостатки — предмет особого разговора), большинство названий в афише — названия комедий. Этого не надо путаться. Если бы даже Воркутинский театр стал исключительно театром комедии, четко определив свое жанровое лицо, и тогда не было бы повода для сетования. Все зависит от того, какие комедии и как ставятся театром.

В свое время Воркутинский театр жестоко критиковали за стихию бессодержательной развлекаемости. С тех пор в театре произошли перемены. И откровенное свидетельство благодарности этих перемен — «Домовой» в постановке засл. арт. Коми АССР И. И. Быкова.

Из программы можно узнать, что Эдуард Вильде, владея огромной литературой, разоблачая хищничество и меркантильные вкусы австрийской буржуазии, что он страстно протестовал против социальной несправедливости, клеймя торговцев, хи-

жей, толстосумов, наживавшихся на производе и грабеже. В программе даже сказано, что привлекло театр в комедии Вильде: «динамичность развития сюжета, острота и ясность диалогов, делавая устремленность пьесы».

Но, конечно, театр увидел в пьесе не только исторический интерес. Режиссер прочел в «Домовой» иррациональное человеческого ума, искреннее чувства, утверждение достоинства, которое торжествует над властью денег, торжествует всегда, рано или поздно.

И. И. Быков поставил «Домового», используя иногда даже фарсовые мизансцены, не боясь откровенного, заразительного смеха. «Домовой» по-настоящему смешной спектакль, смеш в нем — тот «сложительный герой», который помогает бедному литератору Пийбелехту заволнать сердце дочери богатого предпринимателя Вестмана, обвести вокруг пальца самого Вестмана, пограбить его другую честолюбивую дочь Матильду и выместить ее бедарного мужа Сандера.

Режиссер нашел достойного исполнителя роли Пийбелехта в лице актера И. В. Сатеева. Пийбелехт — Сатеев входит в чужой, даже враждебный ему дом Вестманов, сознавая свое превосходство. Актер делает слово Пийбелехта невозможно плутов, как бы потомком тех плутов, которые в народных сказках брали перхпад богатством и жадностью баллада локвосты и гибкости своего разума. Точно найден актером и ярок в своей характерности внешний об-

лик Пийбелехта: коренастая, полная скрытого внутреннего напряжения, будто готовая к прыжку фигура, широко раскрытые нащепленные, широко-ирошисские глаза, небрежность костюма и манер — этому задулому, маленькому человеку, неприужденно и лениво щелкающему семечки в доме Вестмана на улице Вестмана, в сущности, все равно, что подумают о нем труженники, богатые бездельники. Он все видит, все понимает, об этом говорят его пропитанский, быстрый взгляд, его меткое слово.

Так, с первого выхода актера уже создается впечатление спектакля, его атмосфера задорного, колющего, беспощадного смеха.

Сатеев играет свою роль без «пажида», споконно, лириде не срывается в комкование. Актер хорошо, убедительно показывает переходы от Пийбелехта — дерзкого и хитрого пришельца в дом Вестманов, к Пийбелехту — влюбленному, нежному, трогательному в своей наивной привязанности человеку.

Следует заметить, что и остальные участники спектакля, и в особенности А. Л. Дамье (старик Вестман), проводят свои роли удачно, ровно, в одном стиле. Правда, Ю. П. Волков (Сандер) в некоторых сценах отстывает от этого стиля, в речи актера, в его движениях появляются дурной эстрадный падеж. Исполнительнице роли Матильды — артистке М. А. Лазровой мешает какой-то холодок равнодушия. Монотонность характеризует игру В. К. Вялеман (Лаура). Но в целом «Домовой» идет в хорошем темпе, отмечен режиссерскими находками, производит впечатление спектакля, который органичен для Воркутинского театра, созвучен его устремлениям, и потому поставлен и сыгран по-своему талантливо.

Конечно, ни в какой мере не отрицая достоинств «Домового» и признавая законность его появления в репертуаре театра, стоит пожалеть, что воркутинцы не обратились пока к советской комедии, довольствуются лишь опереттой. Следующий шаг театра в движении вперед, бесспорно, должен привести творческий коллектив к овладению искусством советской комедии.

Спектакль «Человек и волк» А. Гимера в постановке К. К. Какиту настолько отличен от «Домового», что сплывало кажется: их незначительно сравнивать. Там комедия, тут драма. Там хитроузные похождения человека из народа, тут трагическая история о том, как простой, доверчивый пастух Манелик, принявший печно кланяться всевластному хозяину, поднялся на борьбу против помещика, встал на защиту попранны чести жены, обрея поддержку других забытых, бессловесных батраков. Там — смех, тут — гнев, боль, горькие, мучительные страдания...

И все же сравнить эти два спектакля можно. В «Домовом» есть правда, в спектакле «Человек и волк» ее нет.

«Человек и волк» отражает ложно — театральной «испанщиной». Ведь ее приметы — не только манхиль и кастаньеты, но и заученные страсти, мелодраматические рыдания, безумный смех...

Как все это не является с содержанием пьесы «Человек и волк». В спектакле помещик Собастьян (арт. В. И. Тарбапанский) — худосюный злодей с черными бакенбардами и кнутом в руке; управляющий Моэн (арт. А. А. Кононов) — такой же худосюный прихлебатель злодея, с четками в пальцах; Морручо (арт. Д. С. Шрагер) — столь же худосюный ненавидит к злодею и т. д. Почти

все действующие лица — только на одну псевдоиспанскую краску. Прямая линия, поза, бьющая на аффект, господствуют в спектакле.

Не удивительно, что «Человек и волк» оставляет зрителя безучастным. Конечно, внезапным выходом, ажно продекларированной фразой театральной размыкаемьем книжка можно добиться того, что кто-то в зрительном зале ахнет. И все же холодный, поставленный в духе далеко не лучших стандартов, «Человек и волк» в Воркутинском театре мало кого возмущает.

Все кажется неадекватным в спектакле, подделкой, имитацией — начиная от песни Марты в I акте и кончая новыми залетами на птангах Морручо. Затягивают развитие действия музыкальные вставные номера, спектакль однообразно миаансценировал, играется без горения и одушевления.

Справедливости ради надо отметить усилия В. Д. Лазрова (Манелик) и Ф. А. Ластовой (Марта), стремящихся к правдоподобию чувствования. Во многих сценах Манелик — Лазров без всяких оговорок искренен в своей простоватости и вере в добро, страшен в своей ярости и мести. Но это не спасает. В конце концов получается, что и эти актеры «представляют страсти» напоказ.

Вывод, который можно сделать из первых двух драматических спектаклей, сыгранных Воркутинским театром на гастролях в Сыктывкаре, таков: там, где театр ищет правду, прокладывает свой путь в искусстве — его ждет удача, там, где он полагает на легкую дорогу «театральщины», искусство подменяется ремеслом.

Л. МАРХАСЕВ.

Красное Знамя 14 ИЮН 1956 г. Сыктывкар